Мордвиновы.

Москва.

Типо-Литографія Н. И. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.

1900.

Мордвиновы.

Москва.

Типо-Литографія Н. И. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.

1900.

Дозволено цензурою, Москва, Февраля 26 дня 1900 г.

Мордвиновы.

„Чистота и польза“.
Кн. П. П. Вяземскій.

Невольно останавливаешься на этомъ имени, съ которымъ связаны многіе свѣтлые проблески послѣднихъ мрачныхъ годовъ Императора Александра I. Не здѣсь говорить о государственной дѣятельности знаменитаго Адмирала. Его біографія написана; но его мнѣнія еще не напечатаны и хранятся пока подъ спудомъ у потомковъ. По всей вѣроятности, обнародованіе ихъ придастъ новый блескъ тому, о которомъ сказалъ Пушкинъ:

„Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною.
Вдовицы бѣдной лептъ и дань Сибирскихъ рудъ—
Равно священны предъ тобою!..“

Всѣ знавшіе Николая Семеновича сохранили о немъ воспоминаніе, какъ о свѣтлой, благородной личности, ярко выдѣлявшейся среди тьмы Аракчеевскаго произвола. Его государственныя заслуги несомнѣнны, его гражданское мужество привлекло къ нему лучшихъ людей Россіи.

Жизнь его была сложная. Еще въ молодости онъ сумѣлъ заслужить привязанность Цесаревича Павла Петровича, и это было не легко—

когда имя Мордвинова скорѣе могло бы быть непріятнымъ Цесаревичу въ виду кратковременной близости одного изъ Мордвиновыхъ къ Императрицѣ Екатеринѣ.

Родъ Мордвиновыхъ – коренной русскій, Новгородскій. По связямъ родства и сосѣдства, онъ близокъ къ роду Муравьевыхъ. Въ синодикѣ Черменецкаго монастыря записаны рядомъ Мордвиновы и Муравьевы. Помѣстья ихъ были по сосѣдству.

Неожиданная опала Н. С. Мордвинова при Павлѣ, о которой подробности разсказывала А. В. Кафтырева *), является загадкою послѣ прежнихъ отношеній и извѣстной фразы Цесаревича: „Ты будешь моимъ Сюлли!“ Великій князь бредилъ всегда Генрихомъ IV. На самомъ дѣлѣ будущій Сюлли былъ сосланъ и долгое время жилъ въ отдаленіи въ Крымскихъ имѣніяхъ. Морская служба съ молодыхъ лѣтъ привлекала его къ Европѣ. Въ Ливорно познакомился онъ съ Ангаличанкою—дѣвицею Генріеттою Коблей и женился на ней. Случайно встрѣтившись въ картинной галлереѣ, онъ пораженъ былъ ея красотой. На вопросъ ея, которая картина ему болѣе нравится, онъ указалъ на одну изъ нихъ, пояснивъ, что она на нее похожа. Черезъ два дня онъ уже былъ женатъ, и они уѣхали въ Россію. Она имѣла на него большое вліяніе, и вліяніе это отразилось на всемъ складѣ его жизни и жизни его семьи. Постараемся разсмотрѣть именно эту сторону

---

*) А. В. Кафтырева—урожд. Мацкевичъ—другъ дома Мордвиновыхъ и воспитательница дочерей Вѣры Николаевны Столыпиной.

его частной, не государственной жизни, насколько она намъ возможна, по наслышкѣ и по разсказамъ его близкихъ.

Каковъ онъ былъ въ семьѣ, какъ смотрѣлъ на бракъ и на отношеніе къ нему дѣтей и внуковъ—довольно ясно изъ того, что разсказывала его внучка Княгиня М. А. Вяземская. Она, между прочимъ, передавала, какъ вышла замужъ за своего перваго мужа, И. А Бека. Будущаго жениха своего она не знала. Бывалъ онъ въ домѣ Мордвиновыхъ, гдѣ его любили, но она никогда о немъ не думала. Ей было едва 17 лѣтъ, и сидѣла она еще за уроками, когда прислали ей сказать, что ее зоветъ Генріетта Александровна Мордвинова, которая тутъ же и объявила ей, что она должна выйти замужъ за избраннаго ею жениха И. А. Бека. Марья Аркадьевна растерялась, чуть ли не заплакала и не сразу поняла, въ чемъ дѣло. Жениха представили, возраженій не допустили, и свадьба состоялась. Объясняютъ это такъ: Императоръ Николай недавно назначилъ внучку Мордвинова Вѣру Аркадьевну Столыпину *) фрейлиной ко двору; Адмиралъ, опасаясь того же для Марьи Аркадьевны, чего для нея именно не желалъ, рѣшилъ выдать ее замужъ. Коротко и ясно.

Дочь Николая Семеновича—Вѣра Николаевна, по разсказамъ ее знавшихъ, была и красавицей и замѣчательной женщиной. О ней упоминаетъ Грибоѣдовъ, ее воспѣлъ Рылѣевъ, ей прекло-

*) В. А. Столыпина, впослѣдствіи кн. Голицына, была фрейлиною В. кн. Александры Николаевны.

нялся Сперанскій. Отношенія Мордвинова къ Сперанскому не выяснены, не ясна и ссора послѣдняго съ Столыпинымъ, кончившаяся—прекращеніемъ сношеній. Вѣра Николаевна умерла рано и оставила своихъ дѣтей на попеченіи отца и незамужней сестры графини Надежды Николаевны. Дѣйствительно дѣдъ занялся ихъ воспитаніемъ. Всѣ они прожили у него, пока не встали на ноги. Его почитали, какъ власть, и опасались, но никто изъ нихъ, повидимому, не сожалѣлъ о разлукѣ съ домомъ Мордвиновыхъ. Мужъ Вѣры Николаевны — Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, извѣстный своимъ большимъ ростомъ—былъ другомъ Сперанскаго. О немъ, быть можетъ пристрастно, говоритъ Вигель. Въ домѣ Мордвиновыхъ его не любили. Это чувствуется изъ словъ А. В. Кафтыревой, долго жившей въ Мордвиновскомъ домѣ и хорошо знавшей домашнюю его хронику. Съ тестемъ своимъ Столыпинъ былъ не въ ладахъ. Онъ былъ близкій человѣкъ въ семьѣ Нессельрода, а старшій его сынъ Николай Аркадіевичъ, поступивъ на службу въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, женился на племянницѣ Нессельрода дѣвицѣ Сверчковой. Дмитрій Аркадьевичъ, второй внукъ Мордвинова, не засидѣлся въ его домѣ и перешелъ подъ попеченіе своего дяди Аѳанасія Алексѣевича Столыпина. Другой внукъ его Алексѣй, извѣстный красавецъ, воспѣтый Лермонтовымъ—„Монго“, служилъ, какъ Д. А., въ Конномъ полку. Здѣсь невольно задумаешься надъ такимъ сочетаніемъ, какъ Н. С. Мордвиновъ и М. Ю. Лермонтовъ, бабушка котораго была Столыпина!...

Когда княгиня Марья Аркадьевна овдовѣла, она вернулась подъ наблюденіе своего дѣда, и къ ней приставлена была А. В. Кафтырева *). Положеніемъ этимъ М. А. тяготилась. Въ 1848 году въ Константинополѣ она сдѣлалась невѣстой Князя Вяземскаго, къ великому неудовольствію семьи Мордвиновыхъ.

Я еще засталъ дочь Николая Семеновича графиню Надежду Николаевну старушкою древней, но необыкновенно живой и привлекательной; свѣтлый и быстрый взглядъ ея не потухъ и въ старости. Жила она въ Мордвиновскомъ домѣ, въ отдѣльномъ помѣщеніи, съ особымъ подъѣздомъ. Все у нея было чистоты безукоризненной: передняя, лѣстницы, маленькая гостиная; полы всегда безъ ковровъ, конечно, блестѣли. Стѣны совершенно голыя; мебель простая, стараго образца, стояла въ струнку. Вещей не было никакихъ, только самое необходимое; не видѣлъ я въ гостиной ея ни одного портрета. Только въ углу стояла большая массивная клѣтка съ попугаемъ. Съ Надеждой Николаевной жила собесѣдница ея Г. Попова. Разговоръ у нея былъ живой, она была привѣтлива, но не терпѣла ни возраженій, ни малѣйшаго сомнѣнія въ непо-

*) А. В. Кафтырева въ своихъ разсказахъ была чрезвычайно занимательна и точна. Преданность ея дому Мордвиновыхъ—безпредѣльная. Особенно близки были ея отношенія къ гр. Надеждѣ Николаевнѣ съ незапамятныхъ временъ. Скончалась она въ глубокой старости, сохранивъ до конца удивительную свѣжесть и живость. Такъ, незадолго до конца принялась она учиться Португальскому языку, для того только, чтобы имѣть возможность читать Лузіаду Камоенса въ подлинникѣ—и достигла этого.

У нея были обширныя и любопытныя связи; она многое знала, помнила и любила дѣлиться своими воспоминаніями. Она воспитывала М. А. Столыпину (кн. Вяземскую) и была къ ней очень привязана.

грѣшимости Николая Семеновича! Она была примѣрная дочь и до конца жизни сохранила настолько силы и огня, что написала уже 90 лѣтней старухой свои воспоминанія объ отцѣ, весьма живо и любопытно составленныя*). У нея былъ культъ къ отцу: „Папенька!“ — это было рѣшающее всякія недоумѣнія слово, и когда она произносила это слово, то вся выпрямлялась, а выраженіе ея лица измѣнялось, словно самъ онъ входилъ въ комнату.

Лицо ея было вообще оживленное; несмотря на большіе годы, бѣлые, какъ снѣгъ, волосы были гладко расчесаны, а глаза, полные огня, и добрая улыбка придавали лицу ея какое-то юношеское выраженіе, особенно привлекательное.

Воспоминаніе объ этой старушкѣ осталось у меня самое свѣтлое, и я только сожалѣю—какъ относительно мало было общенія съ нею, несмотря на взаимную привязанность.

Чистота,—вотъ отличительная черта дома Мордвиновыхъ, и чистота эта носила совершенно особый характеръ. Мнѣ кажется, такая чистота могла бы встрѣтиться у иныхъ сектантовъ. Чистота эта господствовала во всемъ домѣ, рядомъ съ неумолимымъ порядкомъ. Князь П. П. Вяземскій, уважавшій Надежду Николаевну, но не любившій Мордвиновскіе порядки — говорилъ, что ихъ девизъ: „чистота и польза“. Конечно, въ это время уже процвѣтало то направленіе, которое носитъ иноземную кличку „утилитаризма“. Только то и хорошо, что полезно. Ху-

*) Воспоминанія гр. Н. Н. Мордвиновой.

дожества, поэзія, искусства — все это лишнее, обременяющее, какъ обременяетъ въ комнатѣ всякій излишній предметъ, не имѣющій практическаго примѣненія; но въ Мордвиновскомъ домѣ былъ всегда гостепріемный пріютъ художеству.

Единственный сынъ Николая Семеновича Александръ и самъ сдѣлался художникомъ, но за то онъ былъ внѣ всякихъ политическихъ и государственныхъ дѣлъ. Онъ былъ женатъ въ первомъ бракѣ на Яковлевой и имѣлъ отъ нея сына Николая, который умеръ въ чахоткѣ на рукахъ Надежды Николаевны. Портретъ этого больнаго сына я видѣлъ какъ-то разъ, — его велѣла она принести изъ спальни. Во второмъ бракѣ сынъ Мордвинова женатъ былъ на дочери извѣстнаго въ Москвѣ графа Петра Александровича Толстаго. Не такъ еще давно умерла графиня Александра Петровна, принадлежавшая также къ этой любопытной и своеобразной семьѣ. Отъ брака съ нею остались сынъ и дочь, нынѣ княгиня Имеретинская. Она унаслѣдовала отъ отца любовь къ художеству. Сынъ гр. Александръ Александровичъ Мордвиновъ скончался, оставивъ малолѣтнихъ сына и дочь. За то всѣ дѣти Вѣры Николаевны — Столыпины при разнообразныхъ свойствахъ характера не имѣли сильно развитой художественной жилки.

Первый мужъ княгини М. А. Вяземской Иванъ Александровичъ Бекъ былъ почтенной семьи и хотя носилъ нерусское имя, но мыслилъ и чувствовалъ по русски. Онъ былъ близкимъ другомъ поэта Козлова, который ему посвящалъ

свои стихи. Самъ онъ выражалъ свои чувства въ русскихъ стихахъ, изъ коихъ многіе весьма хороши для своего времени *). На немъ отразилось вліяніе Козлова. Онъ былъ то, что нѣмцы называютъ „ein schwärmer“—мечтатель съ чувствительно настроенною и художественною душою. Бракъ его былъ непродолжителенъ и кончился несчастливо: онъ умеръ въ припадкахъ психическаго разстройства... Его старшая дочь Марья Ивановна была характеромъ на него похожа.

Въ Мордвиновскомъ домѣ, въ приходѣ Николы Морскаго, центромъ и средоточеніемъ былъ Николай Семеновичъ, дожившій до глубокой старости и ходившій въ синемъ халатѣ съ звѣздою, какимъ и изображенъ онъ на прекрасномъ портретѣ Дау. Но какъ ни великъ былъ его авторитетъ и въ особенности въ вопросахъ внѣшнихъ,—дома однако направленіе и складъ преимущественно исходили отъ его жены Генріетты Александровны Коблей. Строгая и нѣсколько чопорная, англичанка—пресвитеріанка съ извѣстнымъ оттѣнкомъ власти, она ввела въ домъ свои порядки, но эти порядки и обряды были чуждые... У нея даже одна изъ аллей сада посыпана была пескомъ, привезеннымъ изъ Англіи. Строгость и сдержанность господствовали въ домѣ, гдѣ православію не было первенствующаго мѣста, и потому оно не могло достаточно согрѣть наростающее поколѣніе... Дочери воспитаны были скорѣе въ протестант-

*) Собраніе стихотвореній И. А. Бека.—Рукопись, хранящаяся у его внуковъ. Жаль, что она донынѣ не напечатана.

скомъ духѣ сыновья же мало останавливались на этихъ вопросахъ. Протестантизмъ пребывалъ въ Мордвиновскомъ домѣ, и вотъ почему въ немъ многое казалось такъ чуждо. Изъ всѣхъ иноземныхъ влiянiй, проникающихъ къ намъ подъ разными видами, нѣтъ хуже и опаснѣе влiянiя Англiйскаго! Оно пронизывается въ глубину, всасывается до костей и отъ него трудно отдѣлаться! Невольно приходитъ на мысль, сравненiе: почему же князь Петръ Андреевичъ Вяземскiй не былъ такимъ чуждымъ, хотя у него мать была англичанка? Но она была Евгенiя O'reilly, дочь „зеленой Эрины", поэтически намъ родственной, и была церкви Римской. Въ ней не могло быть и тѣни мертвящей и безпощадной сухости англiйскаго сектантства.

Сама Надежда Николаевна однако сочувствовала Православiю. Она покровительствовала художнику Н. Н. Тихобразову и въ 1868 году благословила свою внучку княжну Е. П. Вяземскую прекраснымъ складнемъ его работы. Бывалъ я у нея и на дачѣ за Петергофомъ: помню голубую англiйскую посуду, простой, но вкусный столъ, изготовляемый кухаркою, и оживленную бесѣду старушекъ, живо за всѣмъ слѣдящихъ и всѣмъ интересующихся.

Одна дача соединялась съ другою и между ними было постоянное движенiе по сильно проторенной дорожкѣ. Тихобразовъ прозвалъ эту дорожку: «иженавсяковременная».

Рядомъ съ протестантизмомъ въ домѣ Мордвиновыхъ процвѣтала гомеопатiя. Между ними

словно есть невольное сродство. И тотъ же фанатизмъ проявлялся, когда кто-либо дерзалъ не признавать этого господствующаго культа. Гр. Н. С. Мордвиновъ былъ гомеопатъ—а гр. Мордвиновъ непогрѣшимъ. Другого аргумента не было.

И вотъ двѣ коренныя русскія семьи: Новгородскіе Мордвиновы и Саратовскіе Столыпины искусственно сходятъ съ прежняго пути. Съ самаго ранняго дѣтства они окружены англійскими звуками. Первыя молитвы преподаются на этомъ языкѣ. Слово Божіе читается не иначе, какъ по англійски.

Я остановился на семьѣ Мордвиновыхъ потому, что она была изъ первыхъ на Руси, въ которой господствовало англійское вліяніе. Мы гораздо легче поддавались французскому—болѣе поверхностному, даже и нѣмецкому—болѣе содержательному, нежели совершенно чуждому намъ по духу — вліянію англійскому. Высокое положеніе Мордвинова, его личныя заслуги и значеніе какъ бы служили скрѣпою этому вліянію, ибо въ лицѣ его привыкли видѣть все честное и самостоятельное, не сочувствующее произволу и потворству. И если въ домѣ такого человѣка англійское вліяніе открыто торжествовало, то и самое это вліяніе принимало болѣе сочувственный, для многихъ по крайней мѣрѣ, оттѣнокъ. Не забудемъ, что это было время мистицизма на престолѣ, смѣнившаго прежнее полное равнодушіе, — это было время воспитательныхъ заботъ объ образованіи „гражданокъ

для какого угодно государства“ *). Въ исторіи развитія иноземныхъ вліяній, въ домашній семейный бытъ русскаго свѣтскаго общества (а исторія эта должна быть написана) вліяніе дома Мордвиновыхъ на современную среду было очень значительное. Оно положило начало позднѣйшимъ подобнымъ же явленіямъ въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ, — явленіямъ, дошедшимъ въ послѣднее время до невозможнаго.

Мнѣ кажется, что біографія Николая Семеновича выйдетъ не полною, если не будетъ разсмотрѣна его личность съ двухъ сторонъ. Какъ государственный дѣятель - неутомимый и даровитый, какъ авторъ знаменитыхъ „мнѣній“ — это одна сторона. Другая сторона не менѣе существенна. Нужно разсмотрѣть его, какъ „семьянина“, какъ „друга“ и въ частности, какъ покровителя иноземнаго, преимущественно англійскаго вліянія въ своей семьѣ и въ окружающей его средѣ. Его покровительство выражено открыто и явно, оно, благодаря его личности, получило особое значеніе, и потому мы вправѣ считать его однимъ изъ родоначальниковъ позднѣйшихъ, еще болѣе значительныхъ уклоненій нашего свѣтскаго общества отъ коренныхъ началъ русскихъ, забвеніемъ которыхъ русскій человѣкъ отрекается отъ своей собственной личности, отрекается и отъ всего тысячелѣтняго своего прошлаго, со всѣми преданіями, сказаніями, повѣрьями, былинами — со всѣмъ дорогимъ сердцу русскому бытомъ прошлыхъ поколѣній, на которыхъ

*) Слова Имп. Екатерины II.

жила, росла и крѣпла земля Русская. Отнимите все это, и мы не имѣли бы Пушкина!

Въ заключеніе мнѣ кажется умѣстнымъ сопоставить Мордвиновыхъ съ родственною и близкою имъ съ прошлаго столѣтія семьею Муравьевыхъ. Связь этихъ двухъ семействъ продолжалась и при Николаѣ Семеновичѣ. Въ запискахъ Н. Н. Муравьева сохранились любопытныя о томъ подробности. Мы знаемъ, что бракъ послѣдняго на дочери Мордвинова Натальѣ Николаевнѣ *) почему-то не состоялся — это обстоятельство имѣло рѣшительное вліяніе на всю жизнь Н. Н. Муравьева. Не состоялся и бракъ Надежды Николаевны Мордвиновой съ морякомъ Чичаговымъ... Несмотря на взаимную любовь, бракъ этотъ встрѣчалъ непреклонное препятствіе въ лицѣ Николая Семеновича. Между Мордвиновыми и Муравьевыми, кромѣ родства и сосѣдства и близости ихъ родителей, было и много общаго. И Мордвиновъ и Муравьевъ являлись въ данное время передовыми людьми, не мирившимися съ мрачными проявленіями произвола 20-хъ годовъ. Припомнимъ участіе Муравьевыхъ въ дѣлѣ 14 декабря. Болѣе осторожный Мордвиновъ остался внѣ подозрѣній, хотя сочувствія его склонялись къ декабристамъ по связямъ своимъ съ Рылѣевымъ. Такъ, извѣстнаго протоіерея Мысловскаго Мордвиновъ называлъ „предателемъ“ **). Даровитая семья Муравьевыхъ дала Россіи Училище колонновожатыхъ. Они явились дѣятелями второй

---

*) Впослѣдствіи вышедшей за Львова.

**) Со словъ А. В. Кафтыревой.

половины XIX столѣтія. И здѣсь мы видимъ существенное различіе ихъ съ Мордвиновыми. Они остались вѣрными русскому началу, не поддавшись иноземному вліянію, и сохранили полную, неприкосновенную свою самостоятельность. Россія не забудетъ заслугъ Муравьевыхъ въ годину испытанія 1863 года.

Ошибемся ли мы, если скажемъ, что гр. Н. С. Мордвиновъ охотно бралъ подъ свое покровительство людей и дѣлалъ имъ добро, хотя при условіи безусловнаго подчиненія себѣ и увѣрованія въ его непогрѣшимость. Свободолюбивый гражданинъ былъ—и великимъ деспотомъ, и это явленіе весьма обычное. Оно повторяется на нашихъ глазахъ и отмѣчено кн. П. А. Вяземскимъ.

„Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни!."

Въ числѣ особенностей Н. С. Мордвинова было и то, что онъ требовалъ, чтобы содержаніе всякой дѣловой бумаги, ему доставляемой, заключалось бы на одной первой страницѣ. Если содержаніе переходило на слѣдующую, то онъ уже её не читалъ *). Эти странности не мѣшали ему съ великою честію „бодрствовать въ совѣтѣ". Однажды онъ удивилъ Императора Николая Павловича своимъ упорнымъ молчаніемъ въ совѣтѣ по вопросу, интересовавшему Евреевъ. Онъ не возражалъ никому и на вопросъ Государя отвѣтилъ, что получилъ крупную сумму за одно только молчаніе, давая тѣмъ понять, что рѣчи оцѣнены были еще дороже.

*) Со словъ А. В. Кафтыревой.

Въ заключеніе не можемъ не высказать горячихъ пожеланій, чтобы скоро обнародованы были знаменитыя Мордвиновскія „мнѣнія“; пожелаемъ также, чтобы какъ можно болѣе проникало въ сознаніе владѣющихъ дорогими семейными и историческими памятниками, что они не въ правѣ присваивать исключительно себялюбивому и узкому своему воззрѣнію то, что есть достояніе исторіи Русскаго государства и русской литературы. Въ этомъ отношеніи желательно, чтобы мы брали поучительный примѣръ съ иноземцевъ, которые дорожатъ своимъ семейнымъ и историческимъ прошлымъ.

Графъ Сергій Шереметевъ.

С.-Петербургъ,
6 марта 1891 года